

В Москву, фройляны, в Москву!

Московский театралный фестиваль имени А.П. Чехова – главное весеннее событие в жизни граждан, признавших театр смыслом своего существования. В этом году он проводится Международной конфедерацией театралных союзов в третий раз. Чеховский фестиваль не раздает наград и не гарантирует шедевров, но иногда они случаются. О «Трех сестрах» Кристофа Марталера – **Марина Зайонц**.

Отчаянные немцы играли «Трех сестер». Понимали, что рискуют, представляя русской интеллигенции святой для нее текст о красоте ее страданий, несбывшихся надежд, последней любви. Да еще после незабываемых завоеваний Петера Штайна на том же чеховском фронте. Но вызов бросили, и теперь пожинают плоды – смесь восторга и возмущения.

Фото: Виктор Баженов

Штайн, легко догадаться, вспомнился недаром. Тут разница огромная, принципиальнейшая. Режиссер Кристоф Марталер не скрывает, что не любит сценическую жизнь в формах самой жизни, он решительно отказывается имитировать реальность, прибегая при этом к самым крайним способам выражения художественного протеста. Чирканье и клекот птичек, шуршание

сверчка, распутившиеся весенние ветки, рассветы и закаты, здоровый запах навоза, доносящийся со сцены, – это не для него. По той же причине он отказался от всего специфически русского, не поехал в Россию знакомиться с натурой, вдыхать атмосферу, постигать тайны национального характера, пить водку и петь «Шумел камыш». Трезво осознав всю бесплодность этих искренних

усилий любви, Марталер утверждает, что ставил «Трех сестер» в берлинском театре «Фольксбюне», не о русских – о немцах. В Цюрихе он ставил бы их о швейцарцах, в Париже – о французах. И это были бы разные спектакли.

Кристоф Марталер – имя для Москвы новое, но в Европе он хорошо известен. Буквально только что получил в Италии престижную европейскую премию «за новые театральные реальности». Швейцарец по происхождению, музыкант по первоначальному образованию, по натуре он прежде всего – созерцатель. Больше всего Марталер почему-то любит вокзалы, может стоять там часами и рассматривать взад и вперед снующую публику. Лет 20 назад в Базеле, говорят, устраивал музыкальные вечера в зале ожидания. Люди сидели за столиками, Марталер пел первую песню, а потом минут десять держал паузу, ничего не происходило. В это время, оказывается, можно увидеть много интересного: чьи-то руки нервно теребят полы пиджака, кто-то судорожно хватается за рюмку, поправляет прическу, держится за пуговицу. Всюду режиссер выискивает людей потерянных, нескладных, нелепых, не попадающих в такт, бесконечно долго наблюдает за ними, запоминает, а потом выводит на подмостки.

В его «Трех сестрах» нет ни берез, ни еловой аллеи. Не то третьеразрядный гостиничный холл, не то вокзал – скользкий линолеумный пол в шашечку, музыкальный автомат, цветы в кадках, на стене висит расписание поездов. К нему иногда подходит Маша и долго смотрит куда-то в одну точку. Главный предмет интерьера – нескончаемая лестница в несколько этажей. По ней вечно кто-то спускается: Ольга, Маша, Ирина, Чебутыкин, Тузенбах, Наташа идут, идут с изнуряющей настойчивостью, вновь и вновь, из года в год, изо дня в день, одно и то же, сверху вниз, захватанные перила, стоптанные каблуки, замужество, гимназия, телеграф. Пропала жизнь.

Можно сказать, что Марталер переселил чеховских героев в наши дни; будет похоже, но не точно. У его героев вообще нет настоящего (не потому ли они так любят рассуждать о будущем?), время будто остановилось для них, зависло, как сломанный компьютер, где на черном экране дергаются и мигают зеленые буквы, загадочные и бесполезные: Press , Press . Здесь никто ни-

Захватанные перила, стоптанные каблуки, замужество, гимназия, телеграф. Пропала жизнь

куда не торопится, говорят тихо, почти без выражения. Иногда вдруг кто-то визгливо вскрикивает, делает резкие танцевальные па, как будто силится что-то вспомнить, и снова впадает в спячку.

Почти все они старше, чем хотелось бы, лет на пятнадцать. Морковно-рыжая Маша, высохшая, дурно подстриженная, с длинными красными бусами поверх

коричневого платья. Расплывшаяся Ольга с распухшими от долгого стояния у школьной доски ногами, в короткой ядовито-зеленой юбке и туфлях-лодочках из кожзамениителя. Ирина, как и полагается, моложе, но в четвертом акте, собравшись замуж и на кирпичный завод, она надела синий деловой костюм, парик и постарела сразу на десять лет. Помните, у Чехова она говорит о себе: «Подурнела, постарела...»? Так и оказалось.

Перемена возраста дала эффект сильный и совершенно неожиданный. Знакомый, выученный наизусть от частого употребления чеховский текст звучит по-новому и как-то даже пронзительно в самых неподходящих для этого местах. Приходит Вершинин и, здороваясь с сестрами, говорит: «Какие вы стали! Ай! ай!» Вершинин явился в белом костюме – мечта Остапа Бендера – седой, сутулый, с заметной проплешиной. И смешно, и жалко, и сердце щемит не поймешь отчего. Его с Машей прощальный поцелуй, внезапный, нелепый и бессмысленно страстный – может быть, самый драматический момент спектакля Марталера. А когда Тузенбах, неуклюжий переросток, выросший из стареньких брюк и пиджака, дико размахивая руками, насканивал на Ирину с любовным объяснением: «Сколько лет нам осталось впереди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к вам», – стоило только вообразить длину этого ровного ряда, и становилось жутко.

Вершинин по забывчивости, которая довольно часто случается с пожилыми людьми, представлялся сестрам и здоровался несколько раз: «Александр Игнатьич, Александр Игнатьич...» Они в ответ протягивали ладошки, делали книксен, а потом и вовсе стали рядком и запели. Тоненькими, старательными голосами они выводили французскую песенку, тщательно следя за правильностью произношения. Как послушные барышни, которых папа генерал угнетал воспитанием. И в финале, когда убьют барона и уйдут неизвестно куда мужчины, три сестры у Марталера не станут говорить о музыке, которая играет громко и весело, и о том, что надо жить несмотря ни на что. Они опять споют все ту же песню, вынесенную из детства, в котором был жив отец, была Москва (какая тут Москва – неизвестно), светило солнце и было счастье.

Марталер строит спектакль как музыкальную партитуру, в которой равно значимо и важно все – чей-то кажушийся случайным жест, цокот каблуков по металлической лестнице, стук падающего предмета, внезапно прозвучавшее слово.

У него все выверено, как часы. И работает, как часы – слаженно и точно.

Спектакль многим не понравился, показался скучным. Признаюсь, и я иногда вдруг начинала скучать, должно быть, с непривычки. Только вот прошло время, а он не улетучивается из головы – моментально и навсегда, как большинство других, тоже виденных. О нем все время хочется рассказывать. Идешь по улице, встречаешь знакомого, останавливаешь, хватаешь за пуговицу и начинаешь все сначала. Нет, что ни говорите, а марталеровские «Три сестры» – пока самое сильное, самое значительное впечатление Чеховского фестиваля.

А что не всем все нравится, так это правильно. И грустить по этому поводу не стоит. Кажется, еще Брехт говорил: «Хороший театр должен разъединять, а не объединять людей». ■